

НАУКА И ПОЛИТИКА: СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ В МОНГОЛИИ В 1920 - 1930-е гг.

Нельзя уйти от того, что политический фактор, то есть влияние политической ситуации, политических интересов, в значительной степени отражается в различных сферах международного сотрудничества, в том числе и научного. Интерес к этому вопросу в настоящее время достаточно силен, особенно когда он касается истории XX в., международных связей СССР. Это относится и к научной сфере вообще и к востоковедению в частности. Предлагался даже проект исследования: "Политическая история советского востоковедения" [17, с. 34]. Не последнее место этот вопрос занимает и в научном сотрудничестве СССР и Монголии. В 20 - 30-е гг. происходит процесс развития научных контактов двух стран на фоне формирования новых политических систем, новых международных отношений. Именно в это время влияние политического фактора было наиболее значительным.

Надо отметить, что социалистическая эпоха не была в этом плане чем-то исключительным. Политика достаточно тесно сопровождала и научные изыскания дореволюционных исследователей. Монголия, являясь ядром Центральной Азии, занимала важное стратегическое положение. Поэтому неудивительно, что активные экспедиционные исследования этой страны, начавшиеся во второй половине XIX в., вели офицеры Русского Генерального Штаба: Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, П.К. Козлов. Они внесли огромный вклад в изучение Монголии, но помимо чисто научных изысканий они информировали военное ведомство о стратегических путях, освещали политическую обстановку, экономические ресурсы страны, давали рекомендации в отношении политических действий. Н.М. Пржевальский считал, что Россия должна силовым путем установить господство в Монголии и вторгнуться в Китай. П.К. Козлов во время своей экспедиции 1899 - 1901 гг. оставил в Монголии своих агентов, которые снабжали его информацией о положении в стране, которую он, в свою очередь, направлял в Генштаб [18, с. 196]. Русское военное руководство полагало, что Монголия станет ареной будущей войны с Китаем. С установлением Автономии в Монголии Генштаб уже напрямую направлял экспедиции разведывательного характера [20, с. 3].

В результате революции Россия на время утратила политические позиции и возможность проведения научной зарубежной деятельности на Дальнем Востоке. В Монголию сразу же устремилось несколько сил: Китай, Япония, США. Китай, как известно, уничтожил автономию страны, Япония пыталась установить влияние через посредников в лице Семенова, Унгерна, Чжан Цзолина. Американцы же поступали более миролюбиво, но зато основательно – организация торговых фирм, попытки стать посредниками в отношениях Монголии и Китая. Они же запланировали научные исследования крупного масштаба. В 1918 г. начинаются рекогносцировочные поездки биолога Роя Чэпмена Эндрюса.

Россия рассчитывает вернуть свое положение в Монголии. Ещё гремят бои гражданской войны, в Сибири господствует Колчак, и не ясно кто победит, а уже весной 1919 г. организуются две экспедиции. Ленско-Байкальский округ путей сообщения отправляет группу под руководством И.Ф. Молодых для исследования бассейна р. Селенги в пределах Монголии, а Центральный союз потребительских обществ России - экспедицию И.М. Майского для экономического обследования Монголии. Экспедиции ставят перед собой и политические задачи. И.Ф. Молодых продолжил исследования стратегических путей в Монголии, начатые Генштабом до революции, И.М. Майский изучает политическую ситуацию в Монголии, перспективы русско-монгольских отношений. В своем отчете И.Ф. Молодых пишет о задачах России противопоставить себя Китаю, дать Монголии цивилизацию и культуру [20, с. 7]. И.М. Майский в своем капитальном труде "Современная Монголия" очерчивает роль этой страны в отношении с Россией: буферное государство, развитию которого Россия должна способствовать [22, с. 330 - 331].

С победой революции в Монголии и укреплением Советской власти в России научные исследования проходят уже в форме сотрудничества. Устанавливаются тесные связи между научными центрами двух стран - Монгольским Ученым Комитетом и РАН. И над этим сотрудничеством незримо довлела политика.

Новое монгольское руководство стремится наладить отношения с разными странами, и в самой Монголии значительные позиции сохраняет иностранный капитал, особенно американский. Советская Россия в этих условиях укрепляет свое влияние здесь, кроме других способов и через научные контакты. С 1922 г. советские ученые начинают работы в Монголии. При отсутствии собственных специалистов Ученый Комитет пополняется советскими кадрами. Однако необходимы крупномасштабные исследования, потому что именно такие начинают в Монголии американцы. В 1922 г. Центрально-Азиатская экспедиция Нью-йоркского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса переносит свои работы во Внешнюю Монголию. Она планирует охватить различные сферы исследований, но упор делает на геологию и палеонтологию. Американцы отлично оснащены. В экспедиции участвовало около 40 человек, имелось 8 автомобилей, 150 верблюдов [28, с. 28]. СССР в то время не имел таких возможностей, тем не менее, это подталкивало к действию, к организации в противовес американцам своих экспедиций. И вот с 1923 г. в Западной Монголии начинает работать геологическая Монголо-Урянхайская экспедиция И.П. Рачковского, и в этом же году организуется Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова. Она относится к ведению РГО, но финансируется СНК СССР [21, с. 407; 9, л. 182]. Конечно ни та, ни другая экспедиции не могли соперничать с американцами в оснащенности (в экспедиции Козлова 14 человек, передвижение на лошадях), но зато результаты их исследований должны были быть использованы в интересах Монголии, американцы же не сотрудничали с монгольскими научными учреждениями.

Однако для закрепления прочных господствующих позиций СССР в сфере научных контактов с МНР и этого, видимо, было недостаточно. Ставилась задача монополизировать исследования, предложив Монголии взамен широкие систематические комплексные экспедиционные работы. Это было одной из причин организации весной 1925 г. при СНК СССР (что само по себе говорит о политическом значении) Комиссии по научному исследованию Монголии, которая должна была централизованно осуществлять экспедиции [7, л. 318]. В этом же году деятельность американской экспедиции в МНР была запрещена монгольским правительством.

В научных исследованиях в Монголии в это время прослеживается еще такой аспект политического характера. Как известно, эта страна имела большое значение для СССР: идейный союзник, буфер от милитаристского Китая. В середине 20-х гг. она начинает идти по пути некапиталистического развития, который должен привести ее к социализму. Следовательно, она должна стать образцом для других стран Востока, и поэтому необходимо было скорейшим образом способствовать развитию производительных сил страны. В этом интересы СССР и Монголии полностью совпадали. Монголия крайне нуждалась в советской помощи и в советских специалистах. Независимость страны могла основываться только на прочной социально-экономической базе. Советский Союз нуждался в политическом союзнике и выгодном экономическом партнере. В решении этих задач не последняя роль отводилась советской науке.

Однако известно, что политические отношения МНР и СССР в 20-е гг. были не такими уж безоблачными. Почти до конца этого десятилетия многие ключевые посты в руководстве Монголии занимали националисты, выступавшие за равноправные, а не покровительственные со стороны СССР отношения. Период наибольших обострений падает на время т.н. "правого уклона" в МНРП (1926 - 1928). Это не могло не сказаться на научных контактах. Советская сторона, расширяя исследования, ставит Монголию в определенную зависимость. На этой почве нередко возникали сложности во взаимоотношениях научных центров двух стран. Так, например, в Академии Наук СССР возникает идея создать в Урге Институт по научному исследованию Монголии, который должен был осуществлять стационарные работы. Однако это намерение вызвало подозрения монгольской стороны, и он так и не был создан [6, л. 42]. Так же обстояло дело и с отправкой топографических партий. Опасаясь негативного отношения к ним в Урге, такие группы, как правило, не направляли отдельно, а включали в состав других отрядов [9, л. 152].

Монголы, нуждаясь в советских экспедициях, в соглашениях между АН СССР и Монгольским Учёным Комитетом по поводу исследовательских работ советских ученых на территории МНР стараются защитить монгольские интересы. При рассмотрении некоторых из этих соглашений можно увидеть отражение в них политических отношений СССР и МНР.

5 июля 1926 г. подписано Соглашение между Монгольской комиссией при СНК СССР и Ученым Комитетом МНР об организации экспедиций в Монголию [26, с. 127 - 128]. Важный момент в документе, который позволяет нам сравнить его с последующими договоренностями – это судьба собранного экспедициями материала. Пятый пункт Соглашения указывает, что все материалы, кроме зоологических и ботанических, должны быть сданы Ученому Комитету. Учком выбирает из них нужное для собственного Музея, затем все отдает советской стороне для обработки, после которой отобранное возвращается МНР, а остальное переходит в собственность АН СССР. Все материалы по древней истории безоговорочно возвращаются Монголии. Соглашение, на наш взгляд, достаточно выгодное для обеих сторон: МНР пользуется специалистами и средствами Советского Союза и получает необходимые материалы и результаты обработки. СССР имеет право на почти монопольные изыскания, любые исследования и получает часть материалов в собственность.

В дальнейшем наблюдается стремление монголов к большей защите своих интересов. В это время усиливаются позиции националистов в руководстве страны. В декабре 1927 г. ученый секретарь Учкома, видный политический деятель Монголии, националист Ц. Жамцарано шлет письмо в АН СССР по поводу организации экспедиции в Гоби на монгольские средства [26, с. 148]. Соответственно, при этом его условия более выгодны для монгольской стороны: все материалы передаются Учкому, советские ученые оставляют себе только свои дневники, фото-материалы, планшеты, причем копии всех материалов передают Учкому. Советская сторона может взять себе также дубликаты и остальной материал только для обработки. Здесь явно проглядывается стремление быть равноправным партнером.

Еще больше это видно по Договору, подписанному весной 1928 г. [26, с. 151]. По его условиям часть материала, отобранная Учкомом, сразу же поступает в его Музей без обработки в СССР, а часть после обработки в Ленинграде возвращается в Монголию.

Советская сторона соглашается на все эти условия, поскольку и они были выгодны для нее. Кроме того, в это время позиции СССР в Монголии недостаточно прочны, чтобы осуществлять какое-либо давление для достижения лучших условий. Монгольское руководство и так выражало недовольство директивными методами, которыми пользовались некоторые официальные представители СССР и Коминтерна в Монголии. Иногда эту сложность во взаимоотношениях испытывали на себе и участники советских экспедиций. В целом, как правило, в отчётах ученых подчеркивается "самое сочувственное отношение со стороны монгольского правительства" к экспедициям [9, л. 84; 18, с. 224]. Однако имели место и негативные моменты, в которых, вероятно, и проявлялось недоверчивое отношение монголов к СССР и его представителям. Летом 1926 г. участник этнолого-лингвистической экспедиции, чл.-корр. АН СССР В.М. Алексеев был подвергнут агентом Государственной Внутренней Охраны МНР телесному и вещевому обыску, "имевшему исключительно бесцеремонный характер", которым был нанесен значительный ущерб научным материалам ученого [10, л. 115]. На подозрительность монголов по отношению к целям советских исследований при заключении договоров указывает в своем письме к С.Ф. Ольденбургу и геолог И.П. Рачковский [11, л. 107]. Возможно, именно такая ситуация привела к ликвидации Комиссии по научному исследованию Монголии в январе 1927 г. в структуре СНК СССР. Уже весной того же года она была восстановлена, но уже в составе АН СССР [10, л. 152; 19, с. 1564]. Таким образом, Комиссия была освобождена от той политической окраски, которую придавала ей непосредственная принадлежность к правительственной структуре и которая могла вызывать беспокойство в Монголии. Но фактически зависимость в организации исследований от политических органов сохранялась.

Но вскоре наступает поворот. На VII съезде МНРП осенью 1928 г. – разгром "правого уклона" (одно из обвинений – стремление отойти от ориентации на СССР). К власти приходят т.н.

"левые", что сразу же отразилось на сотрудничестве двух стран: контакты расширяются по всем направлениям, заключается целый ряд соглашений, которые означают, с одной стороны сближение, а с другой большую зависимость Монголии от СССР во всех сферах. Новый Договор о научных исследованиях в МНР, заключенный 5 октября 1929 г. в этом же ряду [23, с. 202 - 206]. Во-первых, размах планируемых исследований превосходит предыдущие работы и по широте охватываемых вопросов и по срокам - должны отправиться 11 отрядов, работа которых рассчитана на 5 лет. Меняется и судьба материалов экспедиций. Все они вывозятся в Ленинград, после обработки часть возвращается, часть остается в СССР, например, материалы этнолого-лингвистического характера полностью переходят в собственность АН СССР. Таким образом, Договор более выгоден для советской стороны, чем предыдущие соглашения. Здесь нелишне указать, что его подписывал тот же Ц. Жамцарано, но в это время уже признавший все свои правонационалистические ошибки, тем не менее, именуемый контрреволюционером, при котором Учком стал "гнилым учреждением", и которого надо гнать отсюда [27, с. 69], что и сделают в 1931 г.

Однако Договор этот знаменателен еще в ряде моментов, имеющих политическое значение. Во-первых, работы по Договору шли в русле той новой политики, которые взяли на вооружение "левые", т.е., ускоренный переход к строительству социализма в Монголии: ставились задачи исследования производительных сил страны для содействия проведению в жизнь I пятилетнего плана. На первое место по важности ставятся исследования, могущие дать скорейшие практические результаты. Народный комиссариат по иностранным делам и Отдел научных учреждений при СНК СССР при утверждении проекта Договора в качестве важнейших называли геологические и экономические исследования. Они должны были осуществляться за счёт работ в других областях науки, предусмотренных в Договоре [11, л. 107]. Сами монголы на специальном правительственном совещании, посвященном обсуждению проекта Договора, просили особое внимание уделить обследованию хозяйства ламаистских монастырей [18, с. 237]. Здесь можно видеть прямую связь с разворачивающимися в это время джасовскими кампаниями – политикой экономического давления на монастыри. В этом случае экспедиции АН СССР выполняли с одной стороны заказ Монголии, с другой способствовали ее продвижению курсом, рекомендуемым Советским Союзом.

Кроме этого, интересы СССР защищались данным Договором следующим образом. В секретном докладе ученого секретаря Монгольской комиссии И.П. Рачковского, в числе прямых задач Договора называется укрепление влияния в Учкоме, подчинение его действий. Кроме того, говорится, что проведение таких широких исследовательских работ лишь декларируется. Важно занять все ниши в научных исследованиях в Монголии, чтобы ни одна другая страна не могла претендовать на их проведение. На самом деле многие работы никогда не будут проводиться из-за недостатка финансирования [15, л. 1 - 4]. Видимо советская сторона не вполне доверяла даже "левым" монголам.

Надо сказать, что в 20-е гг. возможность США, Японии, западных держав вести свои исследования в МНР была одной из причин активизации научной деятельности СССР в Монголии. На заседаниях Монгольской комиссии часто указывалось на опасность геологических работ США, этнографических со стороны Японии и Германии, топографических со стороны Японии [13, л. 78 - 79; 14, л. 4]. В 30-е гг. XX в. этот фактор перестает быть столь существенным. МНР в этот период уже прочно подпадает под диктат СССР, который мог теперь без труда влиять на возможность проведения исследований другими странами.

Противоречивые политические события 30-х гг. в СССР и Монголии, сделали таковым и процесс научного изучения МНР советскими учеными. В значительной степени изменилась политическая обстановка, наложившая свой отпечаток на развитие отечественной науки. Важнейшими аспектами, повлекшими изменения в научных исследованиях, стал переход к ускоренному формированию социалистической базы в СССР, а параллельно и в Монголии. Рубеж 1920-х - 30-х гг., именовавшийся тогда эпохой "великого перелома", изменил, или, по крайней мере, значительно сместил основные цели и задачи исследовательских работ в сторону достижения практического результата в изучении производительных сил. К этому подталкивала и внешнеполитическая обста-

новка, весьма неблагоприятная для СССР. На Западе готовят "крестовый поход" против Советского Союза, на Дальнем Востоке агрессивные планы лелеет Япония, а в Китае устанавливается враждебный режим Чан Кайши. В таких условиях речь шла, возможно, не только о социализме как таковом, но и о максимальной мобилизации экономических и политических ресурсов.

В тесной связи с этим происходит ужесточение политического режима, которое сопровождалось усилением контроля и над научной сферой. Он выразился в проведении т.н. "Академического дела", чистках, реорганизации научных учреждений в 1929 - 1930 гг. В это время перед советской наукой ставится достаточно жесткая задача: она должна способствовать решению задач нового хозяйственного и культурного строительства. Советскому востоковедению в таком духе нужно было действовать на советском Востоке, а также являться проводником политики СССР на Востоке зарубежном. Соответственно происходила смена проблематики изучения: заострение внимание на социально-экономических вопросах современности.

Если Договор 1929 г. должен был способствовать проведению ускоренных социалистических мероприятий: коллективизации, индустриализации, решению религиозного вопроса, то, по иронии судьбы, в какой-то степени именно исследования по этому Договору стали могильщиками этих мероприятий. Работы экспедиционных отрядов выявили несостоятельность ускоренной и насильственной коллективизации и других подобных мер. Особое место в этом занимает работа Экономического отряда в 1931 – 1932 гг. Она была покрыта завесой таинственности. В общих планах работ экспедиции ничего не говорится об этом отряде. Результаты его исследований заслушивались и обсуждались на заседаниях ЦК ВКП(б) и учреждений Коминтерна. Они не были опубликованы, как указывалось: "по ряду условий" [2, л. 22]. Работа же его заключалась в следующем: обследовалась система местного самоуправления, система снабжения, функционирование колхозов и аратских хозяйств и т.п. Итогом была широкая критика по всем этим вопросам: неэффективность управления и производства, монопольной системы снабжения через Монгольскую центральную кооперацию, в лавках которой не бывало необходимых товаров. Критиковалось отсутствие всякого стимулирования аратов: даже при приемке сырья вместо денег или товаров им давалась просто долговая расписка. Ввиду всего этого руководитель отряда давал рекомендации по изменению политики монгольских властей [3, л. 8].

Несомненно, что работа Экономического и других отрядов, дававших сведения о положении в Монголии, советских ученых - сотрудников Комитета наук МНР, например, А.Д. Симуква, описавшего ситуацию с колхозным строительством в Гоби, которое привело к бегству населения в Китай [25], все это принималось к сведению и способствовало изменению в 1932 г. политического курса Монголии, который стал именоваться "левым уклоном". Очевидно, в прямой связи с этим было и сворачивание с 1932 г. работ советских экспедиций, выполнявших исследования по Договору 1929 г.

Главный научный центр Монголии тоже подвергся в это время реконструкции. Ученый комитет длительное время фактически возглавлялся Ц. Жамцарано, которого причисляли к активным "правым". Соответственно, вся работа Учкома в 20-е гг. была признана вредной и ненужной, поскольку он занимался изучением буддизма, переводами буржуазных книг и различной контрреволюционной литературы. Ученый Комитет именовался "гнилым учреждением", состоявшим тогда из "правых" во главе с Ц.Ж. Жамцарано, которые "изучали ... буддийскую схоластику, историю чингисидов, переводили на монгольский язык различного рода стотомные ганчжуры и данчжуры...". Учком квалифицировался как "место, где свили себе гнездо реакционные силы, защитники феодальной культуры и проводники инспирированных иностранными империалистами контрреволюционных идей панмонголизма" [24, с. 69 - 70]. Обвинялся Жамцарано и во вредительской работе при подготовке кадров монгольской науки - посылал молодежь на учебу в капиталистические страны (Францию, Германию), где она подвергалась соответствующей обработке [5, л. 4 - 9]. Вследствие этого Учком был реорганизован в ноябре 1930 г. – было принято новое положение об Ученом Комитете МНР, который реформировался в учреждение (Научно-исследовательский комитет или Комитет наук), чья деятельность приспособлялась к задачам развития МНР по некапиталистическому пути и контролировалась правительством.

Еще один аспект политического свойства оказал влияние на ход исследований в Монголии. С переломного 1929 г. советская наука оказывается под ударом. С "Академического дела" начинаются процессы, репрессии, и многие ученые уже не участвовали в экспедициях. Посылка отрядов часто срывалась из-за того, что специалист, прослыш неблагонадежным, не мог получить разрешение на выезд за границу. И.П. Рачковский, жалуясь на срыв планов работ, говорил в вышеназванном докладе: "Комиссия может судить только о пригодности данного лица для выполнения требуемых заданий, но не может иметь данных насколько тот или иной сотрудник допустим для работы за границей" [15, л. 8]. Политические причины сыграли большую роль в отказе П.К. Козлову организовать ещё одну экспедицию в Центральную Азию в 1928 г.: его планы попали в советскую и зарубежную прессу, что было негативно воспринято политическим руководством [8, л. 16].

Здесь все же надо отметить, что даже под таким постоянным прессингом ученые продолжали работать. Этнограф В.А. Казакевич, находясь в Париже в командировке, написал в письме к В.Л. Котвичу – монголисту-эмигранту, жившему в Польше, фразу, которая, наверное, может передать чувства многих советских ученых в то время: "Не знаю, чем закончится моя командировка по возвращению домой, но мне надоело предвидеть будущее. Привычка жить настоящей минутой глубоко вкоренилась в большинстве из нас" [16, л. 9].

Подобные опасения о своем будущем, к несчастью, оправдались во второй половине 1930-х гг. 1937 г. стал последним в жизни многих отечественных ученых. Не миновала эта судьба и В.А. Казакевича. Всю первую половину года он готовился к экспедиции, улаживал различные организационные вопросы. Но летом волна репрессий обрушилась на востоковедные кадры. Их обвиняли в самых разных злодеяниях, но в основном по одному шаблону – шпионаж, диверсии, связи с националистами, контрреволюционность. В прессе поднялась кампания против тех, кто выступал за сохранение религиозных центров, как представляющих интерес для науки. Один арест неминуемо вел к целой цепи других, и этот процесс расширялся в геометрической прогрессии.

В августе органами НКВД был "раскрыт" т.н. "Японо-Бурятский центр", который, якобы, занимался подрывной деятельностью в СССР, координируемой из Японии. 30 августа 1937 г. В.А. Казакевич был арестован, и ему было предъявлено обвинение в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Японии. В личных делах В.А. Казакевича в Институте востоковедения и Эрмитаже имеются выписки из приказов: отчислить с 1 сентября 1937 из числа штатных сотрудников Института востоковедения, 29 октября 1937 уволить ввиду неявки на работу в Эрмитаже [1, л. 2; 4, л. 64]. Нет ни слова об аресте, хотя всем все было ясно.

Постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 16 декабря 1937 г. В.А. Казакевич был осужден и приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Через четыре дня – 20 декабря он был расстрелян в Ленинграде, и похоронен предположительно в районе Левашовской пустоши [12]. Это только один из примеров трагической судьбы советского востоковеда того времени. Излишне, наверное, говорить о фактическом прекращении при таком положении вещей академических исследовательских работ в Монголии.

Таким образом, мы видим, что политический фактор оказывал значительное влияние на научные исследования советских ученых в Монголии, в одних случаях способствуя их проведению, в других препятствуя им, направляя их к тем или иным целям и задачам, отражаясь на судьбах исследователей. В целом, не хотелось бы давать какую-либо оценку этому фактору. Он просто был, его не могло не быть в реалиях того времени, можно лишь судить о степени его проявления и результатах, следующих за ним.

Источники и литература

1. Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. 13, д. 319.
2. Архив Востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 104, оп. 3, д. 15.
3. Архив Востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 104, оп. 1, д. 150.
4. Архив Востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 152, оп. 3, д. 276.

5. Архив Российской Академии наук, ф. 277, оп. 3, д. 281.
6. Архив Русского этнографического музея, ф. 3, оп. 1, д. 35.
7. ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 10.
8. ГАРФ, ф. 5446, оп. 37, д. 11.
9. ГАРФ, ф. 5446, оп. 37, д. 33.
10. ГАРФ, ф. 5446, оп. 37, д. 34.
11. ГАРФ, ф. 5446, оп. 37, д. 37.
12. Ответы Управления КГБ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области от 12 июля и 8 октября 1991 г. хранятся в архиве А.М. Решетова.
13. ПФА РАН, ф. 339, оп. 1(1925), д. 3.
14. ПФА РАН, ф. 339, оп. 1(1926), д. 1.
15. ПФА РАН, ф. 339, оп. 1(1930), д. 19.
16. ПФА РАН, ф. 761, оп. 1, д. 10.
17. Актуальные проблемы изучения истории советского востоковедения. / Под ред. В.М. Алпагова. М., 1997.
18. Альманах "Ориент". Вып. 2 - 3. СПб., 1998.
19. Известия АН СССР. Т. 21. № 18. Л., 1927.
20. Краткий отчёт о работах Монгольской экспедиции 1919 года под начальством И.Ф. Молодых. Вып. 1. Иркутск, 1920.
21. Культурная жизнь в СССР 1917 - 1927. Хроника. М., 1975.
22. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.
23. Международные научные связи Академии наук СССР. 1917 - 1941. М., 1992.
24. Нацов С. Перспективы некапиталистического развития Монголии // Хозяйство Монголии. № 2(26). Улан-Батор, 1931.
25. Симуков А.Д. Записки о положении на периферии МНР за 1931 год // Восток. 1994. № 5.
26. Советско-монгольские отношения 1921 - 1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921 - 1940. М.-У.Б., 1975.
27. Хозяйство Монголии. 1931. № 2.
28. Эндрюс Р.Ч. Диковинные звери. М., 1963.